

<https://doi.org/10.5281/zenodo.7030854>

УДК 82

Урукова Л.А.

Урукова Любовь Алексеевна, кандидат филологических наук, методист, Государственное автономное учреждение дополнительного профессионального образования ЯНАО «Региональный институт развития образования», Россия, 629007, г. Салехард, ул. Совхозная, д. 14. корпус 1. E-mail: lyubovurukova@mail.ru.

О герое кризиса системы в творчестве П.А. Егорова

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема героя кризиса системы в творчестве П.А. Егорова. Русскоязычный писатель Чувашии Павел Александрович Егоров поднимает в своих произведениях волнующие современное общество проблемы. В статье герой прозаика раскрывается в неразрывном единстве со временем, в котором тот пребывает. Исследуется бытовой хронотоп, в котором время «перебора» (кризиса системы) ломает нравственные устои общества и каждого человека. Показывается неразрывная связь человека с природой, формирующая его душевную суть, ибо настоящий труженик всегда расположен к земле и всему живому на ней. В результате сделан вывод об основной истине, которая красной нитью проходит в произведениях П.А. Егорова – о том, что времена делаются людьми, хотя люди думают, что они тут ни при чём.

Ключевые слова: художественный мир, времяпространство, бытовой хронотоп, бытийный хронотоп, персонаж «быта».

Urukova L.A.

Urukova Lyubov Alekseevna, Candidate of Philological Sciences, methodologist, State Autonomous Institution of Additional Professional Education of the Yamalo-Nenets Autonomous District "Regional Institute for the Development of Education", Russia, 629007, Salekhard, Sovkhoznaya str., 14. building 1. E-mail: lyubovurukova@mail.ru.

About the hero of the crisis of the system in the work of P.A. Egorov

Abstract. This article discusses the problem of the hero of the crisis of the system in the work of P.A. Egorov. The Russian-speaking writer of Chuvashia Pavel Alexandrovich Egorov raises in his works the problems that concern modern society. In the article, the hero of the prose writer reveals himself in inseparable unity with the time in which he resides. The study examines the household chronotope, in which the time of "busting" (crisis of the system) breaks the moral foundations of society and each person. The indissoluble connection of a person with nature is shown, which forms his soul essence, because a real worker is always disposed to the earth and all living things on it. As a result, a conclusion is made about the basic truth that runs through the works of P.A. Egorov – that times are made by people, although people think that they have nothing to do with it.

Key words: art world, time space, household chronotope, existential chronotope, the character of "everyday life".

Павел Александрович Егоров изображает своего героя в неразрывном единстве со временем и пространством. Времяпространство Егорова сочета-

ет в себе приметы бытового и бытийного характера. Всё же бытовой хронотоп преобладает, и в нём доминирует время, которое в одноимённой повести автор называет

«перебором», и в этом уже выражено авторское отношение. В бытовом хронотопе прозаика действует персонаж «быта», лишённый нравственного развития, движения, который подчиняется обстоятельствам.

В основном в произведениях автора рисуется ночное пространство. Проиллюстрируем это на лексическом уровне: Григорий Рядовой, попав в беду, *«вглядывался в ночную муть»* («Завтра, Нина»). *«Мартовской ночью»* происходят события в «Чирлиstone». В рассказе «За ночью день» описывается *«зимняя деревенская ночь»*; в «Жить вместе» – *«новогодняя ночь»*. *«В холодной и мокрой ночи»* погибает Чёрный татарин в «Пастухе». Летняя ночь изображена в рассказах «Пережат», «Вина», «Не твои мои заботы», «Социолог и работники».

Соответственно в описании ночи на первый план выдвигаются тёмные краски. Много можно привести примеров из повести «Перебор»: *«надвинулись чёрными тенями... лесополосы», «на чёрном небе», «в улице чернели тени», «слепо чернели с подлунной стороны заборы, коньки крыши домов и амбаров», «чернели два старых амбара, редкие тополя и ели», «чернели пни», «над тёмным лесом», «из глубокой черноты», «фигура чернела»*. В других текстах также есть аналогичные описания: *«чернела ворона»* («Социолог и работники»); *«трепетали за чёрным рисунком ветвей клочья сизо-голубого неба»* («Ненужная вещь»); *«тёмные стёкла», «идут в черноте», «осенняя непогода казалась ещё более зябкой, темень ещё более беспросветной»* («Пастух»); *«тяжело и грозно подымалась из-за дальних лесов туча, лохматые края её по всему горизонту были тёмно-синими, но ниже угадывалась чернота»* («Сморщина в грозу»).

Ночное пространство разъединяет и рождает у героя чувства тревоги и одиночества, что подтверждается цитатой из повести «Перебор»: *«... он был один ... под звёздами на чёрном небе»*.

В структуре текстов выделяются фрагменты, характеризующиеся пространственно-временным рубежом. В «Переборе» описываются: морозная январская ночь с шестого на седьмое число, полдень, полночь, середина переулка. В рассказах «За ночью день» события происходят «среди ночи», в «Жить вместе» – за десять дней до Нового года, затем без десяти двенадцать. Путь Ангела в одноимённом произведении с ворованным стеклом проходит через многочисленные границы: до магазина – через калитку в сад, «задами», вдоль огородов, по колее; в магазине – через обшитую войлоком дверь магазина, порог, дверь амбарушки-склада; домой – вдоль изгородей и плетей, вдоль огорода, через калитку в сад, через свежевспаханые грядки. В рассказе «Шила милому кисет» время измеряется минутами: *«Прошло полчаса ...прошло ещё полчаса»*. И эти примеры несут свой смысл: пограничное пространство позволяет изобразить героя на изломе, который обусловлен временем кризиса, «перебора».

В черноте ночи автор изображает луну и звёзды. В то же время скажем, что этот холодный свет из окна *«то сравнению с лунным казался не холодным»* («Перебор»).

Ночное пространство делится на то, в котором луны нет, а значит, там торжествует чернота, и то, где есть луна и появляется тень. Тень символизирует тёмные стороны героев: Михаил Никифорович идёт воровать сосновые доски *«не таясь, но тихо, в тени кустов»*; Иван Грошев, прежде чем зайти в дом Раисы, *«в середине переулка загнал Мальчика (коня) в тень стожка соломы»*, когда Раиса заперла калитку на засов, свет лампочки падал на снег дорожки, *«затенённой от луны невысоким забором»*; *«горбатилась ветвистая тень от черёмухи», «яблони и вишни отбрасывали под луной на пологие сугробы чёткие черные тени»* («За ночью день»). Здесь столкновение с тенью оказывает «сильное влияние на отношения с внутренним и внешним миром» [4, с. 383].

При этом тексты Егорова имеют две особенности: во-первых, ночное пространство в них характеризуется тишиной – не умиротворённой, а чуткой, «нервной» («Ненужная вещь»), опасной: в рассказе «За ночью день» «*во дворе... было непривычно тихо*», «*зимняя деревенская ночь была тихой, но чуткой и отзывалась на каждый шаг звонким скрипом*»; в «Переборе» изображается «*чуткая тишина морозной ночи*», в конце повести мы находим обобщающую картину: «*Стояла полуночная безмолвная тишина – в поле, в лесу, в близкой деревне, везде. Казалось, всё вокруг чутко вслушивалось в тяжёлое дыхание Ивана...*».

Чуткая ночь фиксирует «*неясное движение*» («Перебор»). В ночи проявляется хитрость, изворотливость, обман – всё то, что заставляет человека приспособляться. Так, природный феномен тишины превращается в социальный, эстетический. Тишина и темнота характеризуют персонажа «быта» и эпоху «перебора». Тьма и тишина разъединяют, люди перестают смотреть друг другу прямо в лицо. В «Пастухе» это подчёркивается художественной деталью: «*... стоило Андрею посмотреть ему прямо в лицо, как Григорий тотчас отводил свои глаза... И было видно, что у него хорошо развита привычка видеть боковым зрением*». В цитате подчёркивается, что привычка бокового зрения свидетельствует о дефиците доверия в эпоху кризиса.

И лишь вживаясь в этот небогатый красками художественный мир Егорова, понимается, что его сила именно в простоте и сдержанности.

Другой постоянной приметой текстов прозаика является то, что они лишены постоянного присутствия солнца, но в то же время нельзя сказать о полном его отсутствии. Солнце будто надделено оценочными функциями. В рассказе «Пастух» описывается встреча с бывшим дезертиром Корнюшиным, поэтому «*солнце не показывалось с самого раннего утра, но южный склон неба был иссиня-светлым, однако часам к трём и там затянуло серым,*

потемнело». Раскрывая мотив неверности Потапова, следует описание «*резкого солнечного света в родной избе*» («Шила милтому кiset»). Последнее свидание Нюси и Афиногенова, который выбирает не любовь, а прописку и работу в городе, происходит под «*июльским послеполуденным солнцем*» («Смородина в грозу»), сменяющимся тучей с лохматыми краями. В «Переборе» солнце вообще не показывается.

Следовательно, солнце выступает в роли своеобразного нравственного ориентира, степень его участия зависит от характеристики хронотопа.

Однако наблюдения показывают, что в конце повествования текстов солнцем делаются попытки прорваться в окружающий мир, о чём свидетельствуют заключительные строки: «*В восьмом часу ... уже пришёл рассвет, и на востоке малиновым засветился край неба*» («За ночью день»); «*И теперь вот снова Андрею, уже старому и больному, с тоскою и жалостью мнится: там, в холодной и мокрой ночи, на усталой лошади едет Чёрный татарин, и кажется, что не один он там, а едут в черноте все те, кто уже не пройдёт под солнцем*» («Пастух»); «*Солнцу ещё было далеко до зенита...*» («Хуторской мотив»); «*Где-то за тучей было солнце...*» («Смородина в грозу»); «*Время подошло к девяти, вершины деревьев высветило солнцем*» («Социолог и работники»); «*Солнечный осенний день набирал силу*» («Вина»); «*Потом пришло утро, начался мартовский день ... блестело солнце*» («Чирлистон»).

Как видим, проблески солнца в бытовом хронотопе, а также стремление персонажа «быта» к выходу в бытийное пространство, говорят о грядущих изменениях, и в этом видится надежда на лучшее. Ощущение необходимости выхода в безграничное пространство передаётся в размышлениях Грошева в финале повести «Перебор». «*Тоска по вечности*», – так Пётр оценил своё восприятие зимней ночи. Последнее предложение в данном произведении подчёркивает надежду на то, что время зла конечно: «*Мальчик играючи*

вскидывая ноги, легко и свободно нёс сани с людьми в чистое поле». Всем текстом автор утверждает эту мысль: «Зло не обладает вечностью» [1, с.171]. Всё же социальное зло у Егорова предстаёт «не в роковой своей предопределённости, оно охарактеризовано, исходя из утверждаемого принципа – «так жить дальше нельзя» [3].

Егорова интересует хронотоп кризиса системы, названного им периодом «перебора». Автор изображает то времяпространство, которое привело людей к социальной апатии в обществе, деформации морали, падению нравственности.

В текстах П.А. Егорова преобладает бытовое времяпространство, которое имеет свои ярко выраженные характеристики. В центре писателя – человек, и автор пытается понять кризис духа своего героя. Егоров заостряет своё внимание на негативных сторонах личности. Его герои часто попадают в зависимость от обстоятельств и поступают вопреки своей совести, понятиям чести и долга. Прозаик рисует тип поведения более осмотнительный,

уступчивый, неспособный противостоять. Его герой, опасаясь воздействия внешнего мира, «перестает сам воздействовать на мир и таким образом приходит к противоположному результату: целиком оказывается во власти внешних воздействий, пассивно подчиняется миру» [2, с.30]. Герой Егорова – герой «быта», нравственной ограниченности, лишённый пути, движения, развития.

В произведениях П.А. Егорова преобладает ночная цветовая гамма с образами тёмного неба, звёзд, луны, облаков. Это помогает автору передать тёмные стороны в художественном понимании мира. Причём мрак у Егорова разъединяет. Так, писатель заставляет задуматься о мире, в котором живут люди. Своими текстами П.А. Егоров утверждает простую истину о том, что времена делаются людьми, хотя люди думают, что они тут ни при чём. И всем нам нужно помнить, что каждый человек должен нести ответственность за своё время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вышеславцев Б.П. Этика преображённого эроса. М.: Республика, 1992. 368 с.
2. Кожин В.В. Статьи о современной литературе. – М.: Современник, 1982. 302 с.
3. Храпченко М.Б. Собрание сочинений: В 4-х т. М.: Лит-ра, 1980. Т. 3. 431 с.
4. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.: Порт-Рояль, Совершенство, 1997. 384 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Vysheslavcev B.P. *Etika preobrazhonnogo jerosa*. M.: Respublika, 1992. 368 s.
2. Kozhinov V.V. *Stat'i o sovremennoj literature*. – M.: Sovremennik, 1982. 302 s.
3. *Hrapchenko M.B. Sbranie sochinenij: V 4-h t.* M.: Lit-ra, 1980. T. 3. 431 s.
4. Jung K.G. *Dusha i mif: shest' arhetipov*. M.: Port-Royal', Sovershenstvo, 1997. 384 s.

Поступила в редакцию 12.08.2022.
Принята к публикации 17.08.2022.

Для цитирования:

Урукова Л.А. О герое кризиса системы в творчестве П.А. Егорова // Гуманитарный научный вестник. 2022. №8. С. 14-17. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/08/Urukova.pdf>